

ИНВЕНТАРИ ИМЕНИЙ — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ДЕРЕВНИ

И. А. Воронков

До недавнего времени в распоряжении историков-полонистов было мало источников по истории сельского хозяйства и крестьянства феодальной Польши. Этим в значительной степени и объясняется слабая разработка в историографии многих вопросов аграрной истории Польского государства. Историки народно-демократической Польши проделали большую работу по восполнению этого пробела, издав ряд сборников по социально-экономической истории эпохи феодализма. Среди них большую ценность представляет публикация инвентарей Великой Польши XVI—XVIII веков¹. Приведенные в этом издании материалы извлечены из великопольских городских книг.

В городских и земских книгах, особенно в первых, велись записи общественных документов и частноправовых актов. Когда с течением времени в них собралось множество исторических сведений, на них обратили внимание ученые. Ряд трудов польских историков посвящен процессу составления книг и организации канцелярии². Некоторые работы дают оценку этих книг как исторического источника³, отдельные исследования написаны на основе материалов, содержащихся в городских и земских книгах. Наконец, издано несколько сборников источников, извлеченных из книг⁴. Однако пока опубликована незначительная часть материалов городских и земских книг, хранящихся в архивах⁵.

Материалы книг все еще явно неудовлетворительно использованы историками. Это объясняется, во-первых, тем, что буржуазные ученые занимались главным образом политической историей Польши, уделяя совершенно недостаточно внимания социально-экономическим отношениям. Во-вторых, работа над этим источником исключительно трудна (разнородность записанных фактов, хронологическая растянутость и др.). Нужны были коллективные усилия историков, чтобы преодолеть эти трудности.

Несколько лет тому назад Главное архивное управление Польши поставило перед коллективом архивных научных работников задачу выявить архивные материалы, содержащие сведения о польской деревне. В резуль-

¹ «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I. Wydł Władysław Rusiński. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Wrocław. 1955. «Materiały do dziejów chłopca Wielkopolskiego w drugiej połowie XVIII wieku». Z ksiąg grodzkich wyboru dokonął i wydał Janusz Deresiewicz. Polska Akademia Nauk. Instytut Historii. Т. I. Województwo Poznańskie. Wrocław. 1956. Т. II. Województwo Gnieźnieńskie. Wrocław. 1956. Т. III. Województwo Kaliskie. Wrocław. 1957.

² S. K u t r z e b a. Historia źródeł dawnego prawa polskiego. Т. I. Lwów. 1925; O. B a l z e r. Kancelarie i akta grodzkie w wieku XVIII. Przewodnik naukowy i literacki. 1882; P. D a b k o w s k i. Palestra i księgi sądowe ziemskie i grodzkie w dawnej Polsce. Lwów. 1926; J. B i e l e c k a. Organizacja i działalność kancelarii ziemskich i grodzkich Wielkopolskich XIV—XVIII w. «Archeion». 1954.

³ См., например, предисловие О. Петруско и Л. Татомира к изд. «Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tzw. bernardyńskiego we Lwowie». Т. I—XXV. Lwów. 1868—1935.

⁴ Наибольшее количество их содержится в вышеупомянутых сборниках «Akta grodzkie i ziemskie...».

⁵ По данным польских историков, в архивах Польши хранится свыше 15 тыс. книг.

тате было обнаружено большое количество новых источников, позволяющих исследователям приступить к разработке ряда вопросов истории польской деревни периода феодализма. В их числе видное место занимают инвентари (описи) имений.

Общая численность сохранившихся инвентарей достигает, по предположению польских ученых, 30—40 тысяч⁶. Большое количество их содержится в гродских и земских книгах; довольно много хранилось в бывших помещичьих имениях, а ныне находится в Главном архиве древних актов в Варшаве и в соответствующих воеводских и костельных архивах.

Инвентари составлялись в духовных, шляхетских, королевских и городских поместьях начиная с XV века. Раньше всего описи стали составляться в духовных имениях, затем в королевских и шляхетских. Наибольшее количество инвентарей относится к XVIII веку.

Содержание поместных описей с течением времени изменялось. Для XV—XVI вв. целесообразнее говорить лишь об инвентарных материалах, в которых отсутствовало еще полное описание имений. Чаще всего эти материалы содержатся в актах семейных разделов, актах продажи, закладов и аренды поместий. Начиная с XVII в. все чаще и чаще появляются инвентари с полным и систематическим описанием имений. Всего их насчитывается три типа. К первому относятся частные описи имений, составленные владельцами или арендаторами; ко второму — описи, имеющие характер ведомственных осмотров (визий), составленные двумя шляхтичами в присутствии судебного исполнителя. Третий тип — это описи присяжных воеводских комиссаров по случаю купли-продажи земельных владений. Подобные документы по-разному называются в источниках: инвентари (inwentarze), визии (wisie), реестры (registry), состояния имений (stanu dóbr), описи состояния имений (opisy stanu dóbr) и т. д. В Силезии инвентари назывались урбариями (urbarjuszy; urbarzy). Написаны они преимущественно на немецком языке, хотя есть и на польском.

Не все данные описей являются полностью достоверными. К ним, как и к сообщениям других источников, надо подходить критически. Кроме того, инвентари не дают ответа на все вопросы при изучении социально-экономических отношений в польской деревне. Чтобы оценить значение и достоверность описей, следует знать, для чего они составлялись. Цели же и обстоятельства их составления были различны. Во-первых, инвентарная опись производилась при разделах имений, их продаже, сдаче в аренду, закладах, передаче в наследство и т. д. Надо полагать, что при заключении договоров о передаче поместий в аренду и при купле-продаже имений инвентаризация проходила тщательнее и отличалась большей достоверностью, так как в этом были заинтересованы обе стороны, которые осуществляли взаимный контроль; обстоятельно готовились также документы при разделах имений.

Во-вторых, часто составление инвентарей было связано с люстрацией (ревизией, осмотром) имений, реорганизацией их управления, попытками улучшения хозяйства, с проектированием или проведением реформ, целью которых было увеличение доходов владельца. Последнее обстоятельство играло важную роль при составлении описей во второй половине XVIII в. в связи с общим стремлением феодалов интенсифицировать сельское хозяйство. Надо учитывать, что при составлении инвентаря не всегда имелось в виду отобразить существующее в имении положение вещей. Нередко целью описи были установление нового порядка крестьянского землепользования и введение других повинностей.

Цели, которым должны были служить инвентари, способы и методы их подготовки влияли в той или иной степени на достоверность этих документов. Так, часть сведений о крестьянском землепользовании и семейных отношениях записывалась на основании опроса крестьян, которые

⁶ «Historia Polski». Т. I, cz. II. Makieła. 1955, str. 9.

относились к этому делу, надо полагать, с недоверием, хотя трудно установить, была ли информация крестьян необъективной. Неохотно крестьяне давали данные о числе и возрасте их детей⁷. Такая настороженность понятна, так как крестьяне не знали, для какой цели производились описи, и поэтому стремились кое-что скрыть. Можно предполагать, что крестьяне давали преуменьшенные данные о мертвом и особенно живом инвентаре, так как нередко тяжесть извозной, дорожной и некоторых других повинностей зависела не от размера надела, а от обеспеченности хозяйства лошадьми, волами, телегами.

Правда, не всегда крестьяне относились враждебно к составлению описей, тем более что в них часто отсутствовали рубрики о количестве членов семьи, скота, тягла и т. д. Кроме того, начиная с XV в., как известно, все время возрастали крестьянские повинности, особенно барщина. Поэтому крестьяне нередко сами добивались проведения новых описей, рассчитывая таким путем восстановить прежние, более низкие нормы повинностей. Однако это им, как правило, не удавалось. Лишь в отдельных случаях, по-видимому, под напором крестьян, из инвентарей исключались наиболее тяжелые повинности⁸.

Достоверность инвентарных материалов зависела не только от показаний крестьян, но также от чиновников и служащих имений, составлявших описи. Они обязаны были детально знакомиться с каждой описываемой деревней и со всеми крестьянскими дворами. Далеко не все ревизоры соблюдали установленные правила. В результате в ряде инвентарей чиновники давали ложные, в той или иной степени недостоверные сведения. Не всегда при составлении описей измерялись земли, так как это требовало значительных расходов⁹.

В имениях средней и мелкой шляхты делались, как правило, более точные и подробные описи, поскольку владельцы поместий имели возможность лично участвовать или осуществлять контроль при составлении инвентарей. Имеются также примеры тщательной подготовки подобных документов и в крупных имениях. Делалось это тогда, когда преследовалась цель улучшения хозяйства. Вообще следует отметить, что описи для хозяйственных целей делались более основательно во всех имениях вне зависимости от их размеров.

Терминология инвентарей затрудняет их использование. Например, встречаются следующие категории крестьян: кметы, полурольники, загородники, халупники и др. Однако, как мы увидим далее, эти определения не всегда соответствуют положению той или иной категории крестьян. Термины, обозначающие площадь крестьянских наделов и фольварковой запашки (ланы, роли, морги, загоны, стаи и др.), а также меры объема имеют различные значения в зависимости от места и времени.

К числу других недостатков инвентарей как исторического источника следует отнести их схематизм. Жизнь польской деревни была значительно полнее, чем она отражена в этих документах.

По сравнению с бухгалтерскими счетами XVIII в. (*rachunkami*) инвентари дают общие сведения о фольварковых посевах и почти не сообщают конкретных данных о сборах хлеба, что затрудняет изучение вопроса об урожаях и рентабельности фольварочного хозяйства. Сведения же о посевах и размерах крестьянских наделов содержатся лишь в незначительном количестве документов.

В большинстве описей нет данных о дворовой челяди и ее положении. Далеко не во всех инвентарях сказано о составе крестьянских семей, о повинностях разных категорий крестьян, особенно коморников, о крестьян-

⁷ J. Leskiewicz. Znaczenie inwentarzy dóbr ziemskich dla badań historii wsi w Polsce w XVIII wieku. «Kwartalnik Historyczny», 1953, № 4, str. 366.

⁸ Там же, стр. 367.

⁹ Там же, стр. 368.

ском скоте, сельскохозяйственных орудиях и др. Не всегда указывается, кому принадлежал скот, орудия производства и т. д. — крестьянину или помещику.

В инвентарях много говорится о пустых и разрушенных домах крестьян, о разрушенных фольварковых постройках, о пустующих землях. Но, как правило, не дается прямого ответа на вопрос о причинах таких явлений. Об этом можно судить чаще всего только по косвенным данным.

При использовании описей надо помнить, что феодалы на практике нередко устанавливали более высокие нормы повинностей и податей, чем те, которые зафиксированы в документах. Об этом свидетельствуют, например, такие источники, как суплики и книги референдарских судов.

В большей части шляхетских инвентарей нет данных о податях и повинностях крестьян в пользу церкви и государства. Очень скудны по сравнению с материалами книг референдарских судов и суплик сведения описей о классовой борьбе крестьян.

Однако, несмотря на существенные недостатки, инвентари являются основным и весьма ценным источником для исследования социально-экономического развития сельского хозяйства Речи Посполитой, в целом и отдельных ее районов в XVI—XVIII веках. Необходимо отметить, что при изучении социально-экономических отношений польской деревни этого периода нельзя ограничиваться только материалами инвентарей. Надо широко привлекать и другие источники, особенно книги референдарских судов, суплики, рахунки, а также мемуарную литературу, сочинения публицистов и другие. Только использование всех видов источников позволит воссоздать полную и правдивую картину состояния деревни Речи Посполитой.

Инвентари, будучи частноправовыми актами, состоят, как правило, из двух частей: описи имущества и перечисления крестьянских повинностей. К наиболее типичным документам этого рода относятся такие, в которых описание деревни идет в следующем порядке: двор, его постройки, панские орудия производства и скот, крестьянские избы, жители деревни, скот и орудия, принадлежащие крестьянам и выданные им помещиками, повинности крестьян. Затем идет перечисление помещичьих полей, лугов и лесов, а в редких случаях — также и крестьянских наделов. Впрочем, эта схема не всегда соблюдалась.

Отдельные польские историки начали использовать инвентари при изучении сельского хозяйства Речи Посполитой еще в XIX веке. Например, в середине XIX столетия этот источник был положен в основу некоторых исследований Я. Т. Любомирского¹⁰. Кроме него, инвентарные материалы привлекались такими буржуазными историками, как И. Т. Барановский, Вл. Вечорек, А. Жабко-Потапович¹¹. Однако широко описи были использованы только в работах Я. Рутковского¹².

Историки народно-демократической Польши уделяют много внимания выявлению, использованию и критической оценке инвентарей в качестве исторического источника. Об этом свидетельствуют, например, статьи В. Русиньского, Я. Лескевич и работа Я. Варенжак¹³. Однако до недавнего времени многие польские и особенно зарубежные ученые были лише-

¹⁰ J. T. Lubomirski. *Ludność rolnicza w Polsce od XVI do XVIII w.* «Biblioteka Warszawska». 1858—1862; его же. *Północno-wschodnie włościańskie osady.* «Biblioteka Warszawska». T. IV. 1855.

¹¹ I. T. Baranowski. *Z dziejów gospodarki rolnej w Polsce. Dobra puławskie pomiędzy I. a III rozbiorem.* «*Ekonomista*». T. 2. 1907; Wl. Wiczorek. *Z dziejów ustroju rolnego Wielkiego Księstwa Litewskiego.* Poznań. 1929; A. Zabko-Potapowicz. *Praca najemna i najemnik w rolnictwie w W. Ks. Litewskim w XVIII w.* Warszawa. 1929.

¹² J. Rutkowski. *Studia nad położeniem włościan w Polsce w XVIII wieku.* «*Ekonomista*». T. I. 1914; его же. *Zagadnienie reformy rolnej w Polsce w XVIII w. na tle reform przeprowadzonych we wsiach miasta Poznania.* Poznań. 1925.

¹³ W. Rusiński. *Uwagi o rozwarstwieniu wsi w Polsce w XVIII w.*, «*Kwartalnik Historyczny*», 1953, № 2; J. Leskiewicz. *Указ. соч.*; J. Warężak. *Osadnictwo kasztelanii łowickiej (1136—1847), cz. I.* Łódź. 1952.

ны возможности сколько-нибудь широко использовать эти документы в своих исследованиях, так как издание их было поставлено совершенно неудовлетворительно. Большая часть публикаций относилась не к польским, а к украинским, белорусским и литовским землям¹⁴. Что касается польских земель, то подавляющая часть изданных описей относилась к духовным имениям¹⁵. Опубликовано также несколько инвентарей королевских имений¹⁶.

Хуже обстояло дело с изданием инвентарей помещичьих и городских имений польских земель. В последней четверти XIX в. несколько ценных инвентарей шляхетских имений XVI—XVII вв. опубликовал В. Хоментовский¹⁷. После этого издание их надолго прекратилось. Спустя почти 70 лет к этой работе приступил коллектив историков народно-демократической Польши. В 1953 г. опубликовано три инвентаря имений Ленчицкой шляхты (1674 и 1727 гг.)¹⁸. Приняты меры по изданию описей малопольских земель. В 1956 г. вышел в свет первый том «Инвентарей шляхетских имений Краковского воеводства», охватывающий период с 1576 по 1700 год¹⁹.

Несколько силезских инвентарей было опубликовано в XIX и первой половине XX века²⁰. В 1956 г. польские историки приступили к систематической публикации инвентарей Силезии²¹.

В последние годы наибольшее внимание польские ученые уделяли публикации документов, относящихся к Великой Польше. В 1955 г. Вл. Русиньский издал первый том «Инвентарей шляхетских имений Калишского повета»²². В нем имеется 450 описей XVI — первой половины XVIII века. Они извлечены из городских книг Калишского повета и касаются 270 деревень, то есть 70% шляхетских деревень повета²³. Некоторые деревни описывались повторно, что очень важно для исследователя.

В 1956—1957 гг. вышло из печати еще три тома инвентарей Великой

¹⁴ «Акты, издаваемые Виленскою Археологическою комиссиею». Тт. XIV, XXV, XXXV, XXXVIII. Вильно. 1887—1914; «Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской». Тт. II, XX, XXI, XXVII, XXX, XXXI Витебск. 1871; «Археологический сборник». Т. I. Вильно. 1867; «Архив Юго-Западной России». Т. VI—VIII. Киев. 1886—1890; «Istorijas archivas». T. I. Kowno. 1934.

¹⁵ В. Ulanowski. Inwentarz dóbr i dochodów biskupstwa Wrocławskiego z. r. 1534. A. K. H. T. X.; A. Mańkowski. Inwentarz dóbr biskupstwa Chełmińskiego z. r. 1614. Fontes. T. XXII; A. Mańkowski. Inwentarz dóbr kapituły Chełmińskiej z. r. 1605. Fontes. T. XXIII; E. Długopolski. Inwentarz dóbr biskupstwa Poznańskiego z. r. 1564; A. K. H. T. XV; L. Zytkowski. Revisio bonorum episcopatus Wladislawiensis facta a. 1598. Toruń 1950; L. Zytkowski. Revisio bonorum episcopatus Wladislawiensis facta a. 1582. Toruń 1953; R. Mienicki. Inwentarze dóbr biskupstwa Chełmińskiego (1646, 1676). Toruń. 1955.

¹⁶ K. Kościński. Inwentarze starostwa Człuchowskiego z r. 1746. «Roczniki Towarzystwa Naukowego w Toruniu». T. XI; A. Fostnacht. Inwentarze zamku, folwarku i młynów starostwa Sanoskiego z. r. 1558. Warszawa. 1948; G. Labuda. Inwentarze starostw Puckiego i Kościerskiego z XVII wieku. Toruń. 1954.

¹⁷ W. Chomiński. Materiały do dziejów rolnictwa w Polsce w XVI i XVII w. Warszawa. 1876.

¹⁸ «Teki archiwalne». T. I. Warszawa. 1953.

¹⁹ «Inwentarze dóbr ziemskich województwa Krakowskiego 1576—1700». Wybór z ksiąg relacji grodu krakowskiego. Wyd. A. Kamiński, A. Kieblicka, S. Pańkow. Warszawa. 1956.

²⁰ A. Meitzen. Urkunden schlesischen Dörfer. «Codeks diplomaticus Silesiae». T. IV. Breslau. 1863; A. Werner. Chronik von Fridland u. Umgegend. Friedland. 1883; B. Kolbe. Auszug aus dem im Steuramte zu Glatz befindlichen Urbarium des Grafen Hans von Hardeck v. j. 1534. «Vierteljahrsschrift f. Geschichte u. Heimathskunde d. Graffschaft Glatz». T. II. 1882/1883; е о ж е. Urbarium der Graffschaft Glatz vom Jahre 1571 (там же. T. III. 1883/1884); T. E. N. Den. Das Urbar der Stadt Cosel von 1532. Oberglogau. 1939; J. Chrzęszcz. Urbarium des Dorfes Schönwald bei Gleiwitz 1534. «Oberschlesische Heimat». T. XVI. 1920; T. Konetzny. Urbare von Radoschau u. Chrost im Kreise Cosel. 1928; S. Macha. Aus dem Urbarium der Stadt Beuthen vom Jahre 1532. «Aus dem Beuthener Lande». R. II. 1925.

²¹ «Inwentarze dóbr zamkowych Opolsko-raciborskich z lat 1566 i 1567». Opracowali i przygotowali do druku Roman Heck i Józef Leszczyński. Wrocław. 1956.

²² «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I. Wrocław. 1955.

²³ Там же, стр. XXI.

Польшу²⁴, которые содержат 320 описей шляхетских имений Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств, составленных во второй половине XVIII века. Абсолютное большинство этих документов относится к имениям мелкой и средней шляхты. Такой состав материалов очень важен, так как история средне- и мелкопоместных шляхетских хозяйств до сих пор изучена значительно хуже, чем история крупнопоместных владений. В отличие от первого тома «Инвентарей Калишского повета» в трехтомнике опубликованы описи небольшого количества деревень Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств. Это в известной степени снижает ценность данной публикации. Кроме того, помещенные в ней документы охватывают очень короткий, хотя и важный период времени, что не позволяет исследователю проследить процессы, которые происходили на территории трех воеводств Великой Польши в XVI—XVIII веках.

При отборе материалов польские ученые преследовали цель обнаружить наиболее ценные инвентари, содержащие наибольшее количество сведений по истории как самих крестьян, так и их хозяйств. В связи с этим во многих опубликованных описях опущено или дано в сокращении описание двора, его построек и шляхетских посевов. Для данного периода, когда в распоряжении историков-полонистов имеется пока еще мало источников по истории крестьянства феодальной Речи Посполитой, такой метод подбора и публикации инвентарей является, возможно, правильным. Однако, думая о будущем, на наш взгляд, было бы более целесообразным воспроизводить все или хотя бы большинство описей каждого воеводства без сокращений. Такая публикация позволила бы дать более полную картину развития сельского хозяйства Великой Польши.

Ценность рецензируемого издания состоит прежде всего в том, что помещенные в нем документы, взятые в совокупности, охватывают большой и очень важный период времени в истории феодальной Польши. Это было время утверждения, развития и загнивания фольварочно-барщинной системы. Далее, опубликованные инвентари Калишского повета охватывают 70% шляхетских деревень, а трехтомник содержит опись ряда деревень всей Великой Польши. Такая широта источника позволяет воссоздать картину развития великопольской деревни и проследить изменения, происходившие в сельском хозяйстве и в положении крестьян в XVI—XVIII веках. На основе анализа опубликованных инвентарей исследователь может ответить на вопрос, как влияли фольварочно-барщинная система, войны и другие обстоятельства на состояние крестьянского хозяйства и сельского хозяйства в целом.

Рецензируемые источники содержат обширный материал о положении крестьян и их повинностях, о дифференциации крестьянства. Они позволяют установить, что с XVI по XVIII в. значительно ухудшилось положение крестьян, произошло обнищание деревни, резко уменьшилось количество хозяйств крестьян-кметов, то есть хозяйств, имевших в основном полные наделы земли, и увеличилось число малоземельных и безземельных крестьян, и, следовательно, сократилась площадь крестьянской наделной земли и возросли барская запашка и барщина, уменьшилось количество скота у крестьянства и т. д.

Как видно из инвентарей, в XVI и первой половине XVII в. в шляхетских имениях Калишского воеводства явно преобладали хозяйства крестьян-кметов; категорий безземельных крестьян до 30-х годов XVII в. еще не было²⁵. Однако начиная с 30-х годов все чаще и чаще встречаются де-

²⁴ «Materiały do dziejów chłopia Wielkopolskiego w drugiej połowie XVIII wieku». Tł. I—III. Wrocław. 1956—1957.

²⁵ Так, в деревне Суха в 1565 г. проживало 8 кметов и 4 огородника («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». T. I, str. 14—15); в деревне Бендзехув—10 кметов и один огородник (1582 г.) (там же, стр. 42); в деревне Бронув—6 кметов и 3 огородника (1595 г.) (там же, стр. 60); в деревне Пионтек Вельки—6 кметов и 2 огородника (1604 г.) (там же, стр. 71); в деревне Лутыня—4 кмета, один загородник, один

ревни, в которых кметы были уже в меньшинстве. В ряде инвентарей впервые появляются сведения о безземельных крестьянах (коморниках и халупниках)²⁶. Инвентари позволяют проследить, как с середины XVII в. происходило резкое сокращение количества крестьян-кметов и увеличение числа малоземельных и безземельных крестьян. Упоминания о деревнях, в которых преобладали кметы, встречаются в документах второй половины XVII и XVIII в. очень редко. Появляются новые категории крестьян (полурольники, полследники, ратаи), имевших еще значительные, но неполные наделы земли. Ими часто были обедневшие кметы. Во многих описях говорится о деревнях, в которых совершенно не было кметов и даже полурольников. Количество таких деревень все время увеличивалось. В инвентарях указанного времени начинают встречаться категории люзных людей, то есть полностью лишенных средств производства, не имевших постоянного места жительства и определенных занятий. Они устраивались на временную работу в имениях феодалов или в городах²⁷.

В рецензируемом издании исследователь найдет много сведений о количестве рабочего и другого скота и сельскохозяйственных орудий у разных категорий крестьян. Эти данные также свидетельствуют об обнищании великопольской деревни во второй половине XVII и первой половине XVIII в. и о дифференциации крестьянства. Если, например, в описях XVI и первой половины XVII в. постоянно подчеркивается, что кметы и даже огородники полностью обеспечены своим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, то документы второй половины XVII и первой половины XVIII в. говорят о полном отсутствии у многих кметов, полурольников, полследников и заградников своего рабочего и другого скота, сельскохозяйственного инвентаря или о недостаточности собственного скота и своих сельскохозяйственных орудий²⁸. Инвентари второй половины XVIII в. свидетельствуют о некотором увеличении количества скота у крестьян, особенно у кметов. Крестьяне, не имевшие своего скота, пользовались обычно, как видно из источника, панским скотом.

Таким образом, данные описей о сокращении количества крестьянского скота и об отсутствии у многих кметов, полурольников и других крестьян собственного скота и сельскохозяйственных орудий дают исследователю основание сделать вывод, что во второй половине XVII и в первой половине XVIII в. имелась уже далеко зашедшая дифференциация внутри каждой из категорий крестьянства. Ясно, что кметы, полурольники, полследники, заградники, лишившиеся своего скота и орудий производства, только формально продолжали принадлежать к этим категориям крестьян. Отметим, что в некоторых инвентарях второй половины

наемник и один корчмарь (1615 г.) (там же, стр. 75); в деревне Гать—7 кметов и 2 заградника (1620 г.) (там же, стр. 83—84).

²⁶ В деревне Ястржебники в 1638 г. проживало 10 кметов, 6 заградников и 3 халупника («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I. str. 94); в деревне Седмирогов—11 кметов, 9 халупников, корчмарь, мельник, овчар (1642 г.) (там же, стр. 115); в деревнях Бронишевицы и Сухоржев—14 кметов, 6 огородников, 4 коморницы, 10 свободных халупников, корчмарь, 2 скотника и один дворовый сторож (1646 г.) (там же, стр. 120).

²⁷ В деревне Зберск проживало в 1659 г. 3 кмета, 3 заградника и 7 коморниц («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 136); в деревне Пруслин—полурольник, 2 халупника, 2 плотника и одна коморница (1679 г.) (там же, стр. 189); в деревне Вершхослав—4 кмета, 3 полследника, 2 ратая, 3 огородника, 4 халупника (1679 г.) (там же, стр. 191); в деревне Яшикув—3 заградника, 3 коморника, 2 люзных человека, корчмарь и колесник (1683 г.) (там же, стр. 204); в деревне Ленартовце—один кмет, 2 ратая, 10 халупников и мельник (1685 г.) (там же, стр. 216); в деревне Любиня Велька—13 халупников, корчмарь и коморница (1704 г.) (там же, стр. 298); в деревне Шимановице—4 полурольника, 3 халупника и 10 коморников (1717 г.) (там же, стр. 383—384); в деревне Чеканув—2 кмета, один полурольник, 21 заградник, 7 халупников и 9 люзных людей (1726 г.) (там же, стр. 466—468); в деревне Сливнице—8 полурольников, 5 халупников и 8 коморниц (1744 г.) (там же, стр. 673) и т. д.

²⁸ «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I. str. 138—139, 168, 208—209, 626, 651, 718, 719, 751 и др.

XVII — первой половины XVIII в. исследователь найдет конкретные данные о превращении разорившихся кметов в полурольников, заградников, халупников²⁹.

Исключительно богатый материал дает рассматриваемая публикация для изучения вопроса о податях и повинностях различных категорий крестьян. Инвентари свидетельствуют о том, что в Великой Польше существовали три формы феодальной ренты, из которых главной была отработочная, барщина, постоянно возрастающая. Основная ее тяжесть ложилась на крестьян в летние месяцы. Кроме барщины на полях, крестьяне, как видно из описей, были обременены и другими отработочными повинностями, вносили натуральные и денежные чинши, данины. Быстрее всего росла барщина у крестьян-кметов. Если во второй половине XVI в. большинство из них имело по 3—4 дня упряжной барщины в неделю, в середине XVII в. — по 5—6 дней, то уже в XVIII в. отработочная рента большинства кметов доходила до 10—12 и даже 18 дней в неделю³⁰. Определенных норм феодальных повинностей для кметов и других категорий крестьян в Польше не существовало. Из источника можно видеть, как даже в одном имении у кметов иногда были разные нормы барщины. Как правило, для зажиточной части кметов, обеспеченных рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями, устанавливались более высокие нормы барщины³¹.

Инвентари позволяют установить, что барщинная повинность заградников увеличилась в среднем в полтора — два раза на протяжении XVI—XVIII веков³².

²⁹ Там же, стр. 389, 398 и др.

³⁰ Имеется в виду число человеко-дней с одного хозяйства в неделю.

³¹ Например, каждый кмет деревни Рацендув выполнял в 1568 г. трехдневную барщину в неделю, а летом — восьмидневную («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 17). В деревне Турско Вельке кметы в живно несли ежедневную барщину, а в остальное время года работали на барщине по 4 дня в неделю каждый (1599 г.). Кроме того, они несли извозную повинность и вносили пану по гривне денежного чинша, по две курицы и по полкопы (30) яиц (там же, стр. 67). В деревне Ястрзбенки в 1638 г. каждый кмет выполнял пятидневную барщину в неделю, а в живно — двенадцатидневную; кроме того, они пряли кудель и вносили такие же оброки, как и жители Турско Вельке (там же, стр. 94). Кметы деревни Едлец выполняли в 1714 г. двенадцатидневную барщину в неделю. Они также обязаны были посылать во время жатвы в течение трех дней по три человека на шарварк (дорожная повинность), мочить, мять, трепать лен и прясть кудель. Но отработочными повинностями дело не ограничивалось. С них взимался еще денежный чинш в 48 грошей в год со двора и, помимо этого, требовались еще приношения ко двору по две курицы и по полкопы яиц (там же, стр. 339—340). Кмет деревни Стоянув, не имевший своего тягла и коров, выполнял в 1739 г. восьмидневную барщину в неделю, а также отбывал сторожевую повинность, вносил две курицы и полкопы яиц и обязан был пасти стадо и стричь овец (там же, стр. 634—635). В деревне Данброшин зажиточный кмет, имевший своих четырех лошадей, нес в 1751 г. двенадцатидневную барщину в неделю, извозную и сторожевую повинности. Кроме того, он обязан был 6 раз в год выходить на толоки, пасти скот, прясть кудель, давать 4 курицы, 60 яиц и т. д. («Materiały do dziejów chłopa Wielkopolskiego». Т. III, str. 1). В деревнях Козья Волица и Боржечики кметы, имевшие много скота и сельскохозяйственного инвентаря, выполняли в 60—70-х годах XVIII в. восемнадцатидневную барщину в неделю каждый (там же, стр. 128—130, 208—212).

³² Так, заградники деревни Кучкув и Хржанув несли в 1569 г. по два дня барщины в неделю, вносили чинш и выполняли некоторые другие повинности («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 18, 22). Повинности заградников деревни Кренпы состояли в 1731 г. в работе на барщине по три дня в неделю, в уплате по 13 грошей денежного чинша и в приношении по две курицы (там же, стр. 526—531). Заградники деревни Закшин работали на барщине от св. Яна до св. Михаила по 5 дней в неделю, от св. Михаила до св. Мартина — по 4 дня и от св. Мартина до св. Яна — по 3 дня (1739 г.) (там же, стр. 628). В деревне Денбе заградники выполняли в 1742 и 1746 гг. по 3—4 дня конной и пешей барщины в неделю (там же, стр. 651). Однако были случаи, когда у заградников была в XVIII в. и более высокая норма барщины. Например, заградники деревни Хойна несли в 1715 г. двенадцатидневную барщину в неделю. Так как они были лишены возможности работать на себя, то им выдавалось определенное количество продуктов со двора. В сенокос они получали еще дополнительный паек (там же, стр. 364).

В то же время источник ставит исследователя перед фактом, что нормы барщины таких категорий крестьян, как полурольники, полследники, халупники и коморники, с середины XVII (время появления указанных категорий крестьян в инвентарях) и до конца XVIII в. не изменились. Полурольники и полследники выполняли в среднем по 5—8 дней конной и пешей барщины в неделю, халупники — по 3 дня и коморники — по 2 дня пешей барщины. Кроме того, полурольники, полследники и даже многие халупники несли и другие повинности, вносили чинши и данины³³. На коморников обычно распространялась только барщинная повинность, так как у них, как правило, не было ничего, кроме своих рук. В связи с этим многие феодалы, как видно из инвентарей, выдавали коморникам на питание зерно и другие продукты, выделяли небольшие участки фольварковой земли для посева зерновых и других культур³⁴.

В истории аграрных отношений при феодализме важное значение имеет проблема привлечения рабочей силы в поместья. В некоторых инвентарях исследователь найдет данные о распространении в Великой Польше во второй половине XVII и в XVIII в. принудительного найма и об оплате наемного труда крестьян³⁵. Этот наем распространялся обычно на халупников и коморников, то есть на те категории крестьян, которые исполняли относительно небольшую барщину.

В отдельных описях имеются сведения о податях различных категорий крестьян в пользу государства и костела. Однако проследить по этим источникам, как изменились с течением времени эти подати, очень трудно, так как данные о них встречаются редко.

Инвентари позволяют историку изучить вопрос о свободных крестьянах, наемниках, крестьянах-чиншевиках и окупниках, об олендрах и люзных людях. Положение этих категорий крестьян освещено в литературе очень слабо.

В описях второй половины XVI — первой половины XVII в. свободные крестьяне и наемники упоминаются довольно часто. Так, в деревне Твардув в 1610 г. проживало 4 наемника, Лутыния — один наемник (1615 г.), Бронишевицы и Сухоржев — 10 свободных халупников (1646 г.)³⁶. Во второй половине XVII и первой половине XVIII в., особенно в последней четверти XVII и первой четверти XVIII в., сведения о свободных крестьянах встречаются в инвентарях редко. Во второй половине XVIII в. количество свободных крестьян, как видно из инвентарей, увеличивается. Основной повинностью одних свободных крестьян и наемников была барщина, других — чинш. Так, наемник из деревни Турско Вельке платил в 1599 г. три вердулки денежного чинша в год и в живно выполнял двухдневную барщину в неделю. Два свободных халупника деревни Оценж выполняли в 1698 г. трехдневную барщину в неделю³⁷. Таким образом, рассматриваемый нами источник свидетельствует о том, что свободные крестьяне и наемники Речи Посполитой в действительности никакой свободы не имели.

О крестьянах-чиншевиках в инвентарях до середины XVIII в. упоминается только один раз. Ими были кметы деревни Ястрженбники. В 1684 г. они несли барщины, а платили по копе денежного чинша, доставляли по 6 кур, по полкопе яиц и по четверти хмеля³⁸. Крестьяне-окупники (имеются в виду земледельцы) и олендры в опубликованных инвентарях до середины XVIII в. не встречаются.

³³ «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 166, 189—190, 327, 383, 424, 455, 645 и др.; «Materiały do dziejów chłopów Wielkopolskiego». Т. I, str. 101 и др.; Т. III, str. 141—142 и др.

³⁴ «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 651, 723, 751.

³⁵ Там же, стр. 189—190, 212 и др. Подобные же сведения встречаются и в трехтомном сборнике инвентарей Познанского, Гнезненского и Калишского воеводств.

³⁶ Там же, стр. 18, 22, 120.

³⁷ Там же, стр. 67, 257.

³⁸ Там же, стр. 212.

О люзных людях в описях имеется много сведений. Источник показывает, что их правовое и материальное положение было неодинаковым. Это были свободные и зависимые земледельцы и ремесленники; некоторые из них проживали в имениях временно, другие постоянно и т. д.³⁹

В ряде описей исследователь найдет сведения о дворовой челяди и ее положении. В рецензируемом издании имеется значительный материал о сельских ремесленниках, их положении и повинностях. Источник позволяет установить, что среди них были зависимые и свободные, барщинники и чиншевики и т. д.⁴⁰

Опубликованные инвентари содержат богатый материал о солтысах, мельниках и корчмарях. Документы показывают, что это была наиболее зажиточная часть сельского населения. Большинство солтысов, мельников и корчмарей состояло в XVI — XVIII вв. из свободных людей, чиншевиков и окупников, но были среди них и барщинники. Мельники и корчмари платили высокие денежные и натуральные чинши за мельницы и корчмы, что свидетельствует о их больших доходах. Кроме того, некоторые из них владели еще значительными земельными наделами. Солтысы также платили высокие чинши с земельных наделов, которые превышали обычно наделы кметов⁴¹.

Окупники, то есть лица, получившие в результате окупа, составлявшего значительную денежную сумму, наследственное право на землю и движимое имущество, встречаются в рассматриваемом источнике до середины XVIII в. только два раза. В деревне Хоржев проживал мельник-окупник, который обязан был платить 76 тыщов денежного чинша в год, вносить 6 кур, 2 гусей и работать в жатву 18 дней на барщине⁴². Вторым

³⁹ Так, в числе 7 люзных людей деревни Воля Дрошевска в 1718 г. были портные и мельники. В деревне Чеканув в 1726 г. проживало 9 люзных людей, среди них — свободные и зависимые, ремесленники, овчары и корчмари (там же, стр. 467). В числе жителей деревни Котлин в 1740 г. был один люзный коморник (там же, стр. 643).

⁴⁰ Например, в деревне Ястрженбники в числе халупников в 1638 г. было 2 портных и кузнец (там же, стр. 94), в деревне Пруслин проживало в 1679 г. 2 плотника (там же, стр. 189), в деревне Гижалка — 4 ремесленника (1699 г.) (там же, стр. 266—267), в деревне Лезнона — 2 свободных ремесленника (кузнец и портной) (там же, стр. 561) и т. д. Кузнец и ткач деревни Гать платили феодалу в 1620 г. по 4 золотых денежного чинша (там же, стр. 84), в деревне Ястрженбники портные и кузнец обязаны работать в живо по два дня в неделю на барщине на панских харчах (1638 г.) (там же, стр. 95). Спустя 50 лет кузнец этой же деревни выполнял уже трехдневную барщину в неделю круглый год, портной — двухдневную барщину в жатву и однодневную в остальное время года (там же, стр. 212). Ремесленники деревни Гижалка обязаны были в жатву отработать на барщине по четыре недели, а в остальное время — работать во дворе по специальности, согласно контракту (там же, стр. 266—267). Свободный ткач деревни Едлец выполнял в жатву двухдневную барщину в неделю и обязан был вместе с другими жителями нести дорожную повинность (шарварк) (там же, стр. 339—340).

⁴¹ В деревне Хружанув в 1569 г. проживал один мельник. Он платил феодалу чинш и нес восьмидневную барщину в год («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 22). Мельник деревни Ястрженбники обязан был давать феодалу 6 мальдров ржи в год, 8 кур, выкормить 2 панских свиней и выполнять извозную повинность (1638 г.) (там же, стр. 95). Обязанность корчмаря деревни Тшебова состояла в приготовлении пива и в работе на барщине в жатву в течение трех недель (1667 г.) (там же, стр. 166). Два мельника деревни Гремблев вносили в год по 10—21 гривен денежного чинша, по 4 курицы и обязаны были выполнять двухдневную пешую барщину в неделю (1670 г.) (там же, стр. 173). Два свободных солтыса деревни Каев платили только денежный чинш (1714 г.) (там же, стр. 346). Свободный мельник деревни Едлец платил 80 золотых денежного чинша в год и вносил 6 кур и 6 гусей (там же, стр. 339—340). Мельник деревни Пивонице выполнял в неделю четырехдневную барщину, давал 150 корцев зерна и обязан был выкормить в год 8 панских свиней (1728 г.) (там же, стр. 502). Свободный корчмарь деревни Кренпы, немец по национальности, имел надел земли площадью в 8 моргов, огород, луг, 4 собственных лошади и 6 коров. Он платил 30 золотых денежного чинша в год. Один из мельников этой деревни имел 22 морга пахотной земли и 3 луга. Его повинность состояла в работе на барщине во время уборки в течение 14 дней и в уплате 164 золотых и 20 грошей денежного чинша (там же, стр. 530—531).

⁴² «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 370.

окупником был мельник деревни Турско Вельке. Он платил денежный чинш⁴³. В инвентарях второй половины XVIII в. окупники среди солтысов, мельников и корчмарей и других жителей деревни встречаются очень часто. В то же время источник дает возможность установить, что в описях этого периода почти не упоминаются солтысы, мельники и корчмари, которые бы несли барщину в качестве основной феодальной повинности.

Сведения инвентарей о наличии почти в каждой деревне корчмарей позволяют сделать вывод о широком развитии винокурения в Великой Польше XVI — XVIII веков.

В ряде описей имеются сведения о состоянии рыбного хозяйства феодалов, о положении и повинностях рыбаков. Как видно из материалов, до середины XVII в. рыбное хозяйство в стране развивалось в целом успешно, а затем наступил длительный период полного его упадка. Основная повинность рыбаков состояла в доставке феодалу определенного количества рыбы⁴⁴.

Опубликованные инвентари содержат большое количество подробнейших данных о состоянии крестьянских жилищ и других крестьянских и помещичьих построек. Эти сведения, а также факты неиспользования пахотной надельной и фольварковой земли и лугов являются ярким свидетельством разорения крестьянства и в целом сельского хозяйства во второй половине XVII — первой половине XVIII века. Например, в инвентарях XVI — первой половины XVII в. редко встречаются сведения о пустых, разрушенных, полуразрушенных и сожженных фольварковых и крестьянских жилых и других постройках, о нераспаханных землях. Зато описи второй половины XVII и первой половины XVIII в. буквально перестрят такими данными⁴⁵. Особенно много нераспаханной земли, пустых, разрушенных, полуразрушенных и сожженных домов и других построек было в Великой Польше в первой четверти XVIII в., то есть во время Северной войны, и в послевоенный период⁴⁶.

Из документов следует, что одной из причин разорения крестьянства и упадка сельского хозяйства были войны. Однако основная причина общего упадка сельского хозяйства и разорения крестьянства состояла в господстве фольварочно-барщинной системы, в неимоверном усилении эксплуатации крестьян и других слоев трудящегося населения. Барщинно-фольварочная система к тому же сочеталась в Польше с политической анархией, которая во второй половине XVII — первой половине XVIII в. во многом способствовала подрыву экономики страны. В свете приведенных документов нам представляется неверным утверждение В. Д. Похилевича о том, что войны были основной причиной экономического упадка Польши (см. «Kwartalnik Historyczny», 1958, № 3, стр. 742—763).

В ряде описей второй половины XVII и особенно первой половины XVIII в. имеются сообщения о чрезвычайно низких урожаях на фольварковых полях⁴⁷.

Рецензируемое издание содержит материалы, показывающие, что во второй половине XVIII в. процесс дальнейшего разрушения сельского хо-

⁴³ Там же, стр. 496.

⁴⁴ Так, рыбак деревни Едлец обязан был давать каждую неделю по два оброка рыбы на 3 злотых (там же, стр. 339—340).

⁴⁵ В деревне Добрнич в 1661 г. было три пустых халупы бывших кметов (там же, стр. 137—138), в деревне Бендзешин — 5 пустых крестьянских домов (1662 г.) (там же, стр. 147), в деревне Квиткув стояли пустыми в 1668 г. две крестьянские халупы (там же, стр. 164), в деревне Боруцин вся пахотная земля осгавалась невозделанной (1661 г.) (там же, стр. 143). В деревне Завидовицы была нераспаханной в 1685 г. вся фольварковая земля (там же, стр. 217). В деревне Гать Повенцова не были расплаханы многие наделы крестьян (1700 г.) (там же, стр. 277).

⁴⁶ «Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I. стр. 308—310, 313 319, 321, 324, 335—337, 341, 355, 371—375, 392—395, 406—407, 473—474, 584, 610—612, 660, 680—681, 716, 782 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 159, 601—602, 645, 672, 675—676, 685, 700 и др.

зайства приостанавливается и наблюдаются некоторые признаки восстановления деревни. Так, в инвентарях этого периода нет сведений о разрушенных и опустевших селах и фольварках, о нераспаханных полях, почти совершенно отсутствуют данные о пустых халулах и т. д. Правда, какого-либо заметного улучшения положения основной массы крестьянства не замечалось, но и прежняя нищета не выступала так ярко, как раньше. Восстановлению польской деревни во второй половине XVIII в. способствовали те прогрессивные мероприятия, которые проводились в Речи Посполитой как в области экономической, так и в отношении государственного строя (перевод части крестьян с барщины на денежный оброк, применение в некоторых имениях прогрессивных форм ведения хозяйства, ограничение политической анархии и др.). Эти мероприятия способствовали зарождению и развитию капиталистических отношений. Кроме того, важную роль в деле восстановления польской деревни играло то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. Польша не вела, как прежде, длительных и разорительных войн.

В значительном количестве документов имеются сообщения о площади фольварковой запашки и о тех сельскохозяйственных культурах, которые возделывались на помещичьей земле. Но, к сожалению, только в отдельных инвентарях есть данные о площади крестьянских наделов и об обеспечении различных категорий крестьян землей⁴⁸. Но и эти факты дают возможность подойти к решению вопроса о земельной обеспеченности отдельных категорий крестьян. Инвентари позволяют установить соотношение между площадью фольварковой запашки и крестьянской надельной землей. В деревне Кренпы фольварковая запашка составляла 210 моргов и 6 прентов, крестьянские наделы — 299 моргов и один прент, в деревне Радлово — соответственно 103 морга и 8 прентов и 182 морга⁴⁹. Однако проследить конкретно за изменениями площади фольварковой запашки и крестьянских наделов невозможно, так как в рассматриваемых документах нет по данному вопросу сведений за длительный период времени в отношении какой-нибудь одной деревни. О расширении фольварковой запашки и сокращении крестьянских наделов можно судить только по косвенным данным описей о резком сокращении количества наделов крестьян-кметов и увеличении числа крестьянских хозяйств с неполными наделами, малоземельных и безземельных крестьян. Факт расширения барской запашки подтверждается также сообщениями о росте барщины.

Во многих инвентарях имеются материалы о развитии панского животноводства. Они свидетельствуют о том, что в XVI — первой половине XVII в. эта отрасль помещичьего хозяйства была довольно развита⁵¹. Во второй половине XVII — первой половине XVIII в. происходит резкое сокращение поголовья панского скота.

⁴⁸ Такие сведения содержат, например, инвентари деревень Кренпы и Радлова за 1731 год. Кметы и полурольники деревни Кренпы имели наделы земли в размере от 16 моргов 3 прентов до 23 моргов каждый, огороды в размере 5 прентов, луга, на которых накашивали от 9 до 18 возов сена каждый. Загородники имели наделы площадью от 4 моргов 3 прентов до 9 моргов 5 прентов каждый, огороды — от 5 до 10 прентов, луга, на которых накашивали от 2 до 8 возов сена каждый. Коморники не имели ни наделов, ни огородов, ни лугов («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 526—531). Кметы деревни Радлова владели наделами площадью от 23 до 39 моргов каждый; загородники — от 7 до 15 моргов (там же, стр. 540—543).

⁴⁹ Там же, стр. 526—531, 540—545, 552.

⁵⁰ Так, в деревне Хоцишевицы в 1565 г. было 168 панских овец, 21 голова рогатого скота, 7 лошадей, 13 свиней, 9 поросят, 48 гусей («Inwentarze dóbr szlacheckich powiatu Kaliskiego». Т. I, str. 11); в деревне Липе насчитывалось 38 голов рогатого скота, 200 овец, 10 лошадей, 17 свиней и поросят, 70 гусей, 37 кур (1606 г.) (там же, стр. 73); в деревне Магнушевицы — 50 голов рогатого скота, 500 овец и 15 гусей (1615 г.) (там же, стр. 78). В пяти фольварках Козьминского имения в 1642 г. было 2683 панских овец, 249 голов рогатого скота, 222 свиньи, 415 гусей, 364 курицы, а также козы, несколько десятков уток, индюшек, павлинов (там же, стр. 106—107).

В исторической литературе до сих пор слабо освещен вопрос о классовой борьбе крестьян в Польше в период феодализма. Рецензируемое издание позволяет в некоторой степени восполнить этот пробел. В ряде описей последней четверти XVII — первой половины XVIII в. встречаются сведения о классовом антагонизме в деревне, о широком распространении такой формы борьбы, как бегство крестьян. В инвентаре деревни Бернатки за 1681 г. сказано, что в результате систематических издевательств владельца имения над крестьянами один из них ушел из деревни, а другой тяжело заболел⁵¹. Документы первой половины XVIII в. буквально пестрят сведениями о беглых крестьянах⁵².

В рассматриваемом издании имеется несколько описей небольших городов и местечек. Эти материалы позволяют определить количество жителей, число домов и ремесленников, узнать о податях и повинностях мещан. Основная повинность большинства мещан в XVI—XVIII вв. состояла в уплате денежного чинша.

Наконец, ценность опубликованных инвентарей состоит в том, что содержащиеся в них документы помогают исследователю выявить и проследить процесс разложения феодально-крепостнических отношений, возникновения и развития капиталистических. Об этом свидетельствуют прежде всего данные о наличии в Великой Польше во второй половине XVIII в. значительного количества крестьян, находившихся в той или иной степени за пределами барщинной системы. Это лютые люди, свободные, чиншевики, *kontraktowi* (жившие на помещичьих землях на договорных началах) и окупники, которые в инвентарях второй половины XVIII в. встречаются довольно часто⁵³.

Интересно отметить, что в инвентарях второй половины XVIII в. встречаются целые деревни, как, например, Стрыжево, где население состояло исключительно из окупников. И если в других деревнях, как свидетельствуют описи, крестьяне этой категории принадлежали, как правило, к зажиточной верхушке, то здесь среди окупников были крестьяне не только зажиточные, но и со средним достатком и бедняки. На 8 зажиточных окупников-кметов приходилось 9 полследников, 5 загородников и 2 коморника⁵⁴. Кметы уплачивали по 20 и более талеров денежного чинша, полследники — по 9—15 талеров, загородники — по 6—11 талеров, коморники — около 20—30 злотых каждый. Кроме того, кметы, полследники и загородники вносили небольшие натуральные оброки (овес, гуся, куры, яйца). Размер натуральных чиншей зависел от категории крестьян и состояния хозяйства⁵⁵. Ряд окупников эксплуатировал в своих хозяйствах труд свободных людей. Например, солтыс Цемер применял труд двух вольнонаемных девушек, в хозяйстве окупника Милка было занято три свободных работника⁵⁶.

⁵¹ Там же, стр. 197.

⁵² Там же, стр. 316, 342, 344, 346, 349—351, 355—356, 388, 430, 439, 561, 573, 601—602, 610—612, 637—638 и др.

⁵³ Так, в деревне Врублево проживало три зажиточных свободных окупника, среди них солтыс Казимир Цемер, имевший 4 собственных волов, 5 лошадей, 2 жеребят, 3 коров, 15 свиней и 90 овец («Materiały do dziejów chłopstwa Wielkopolskiego». Т. I. стр. 111). Его повинность в пользу феодала состояла в отработке 27 дней барщины в год, уплате 120 талеров денежного оброка, доставке копы яиц и 6 кур. Кроме того, он платил подушную подать в 24 злотых в год и отбывал дорожную повинность (там же). В деревне Палаево насчитывалось 45 окупников (там же, стр. 201—202); Млынков — 7 (там же, стр. 210); Енджево — 17 (там же, стр. 396); Седлиско — 10 окупников (там же). В деревне Борженнички проживал окупный солтыс, имевший хороший дом и другие постройки. Он платил 76 злотых денежного чинша в год, вносил 6 кур, 2 гусей, 30 яиц, выполнял в жатву небольшую барщину и дорожную повинность (там же, т. III, стр. 210). В деревне Кромолице проживало 24 окупника, плативших в год каждый от 24 до 101 злотого денежного чинша, вносивших по 8 кур, 4 гуся, 60 яиц и исполнявших небольшие отработочные повинности (там же, стр. 276).

⁵⁴ «Materiały do dziejów chłopstwa Wielkopolskiego». Т. I. стр. 122—123.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 111.

Как известно, во второй половине XVIII в. в некоторых королевских, духовных и шляхетских имениях происходил перевод крестьян с барщины на чинш. В силу экономических условий в Великой Польше этот процесс был более заметным, чем в ряде других районов Речи Посполитой. Кроме того, на западных польских землях поселилось большое количество немецких, польских и других колонистов (именующихся в источниках часто голендрами, олендрами), которые платили главным образом денежный чинш. Однако до сих пор вопрос о крестьянах-чиншевиках и колонистах, так же как и об окупниках, очень слабо изучен вследствие узости документальной базы. Издание инвентарей, содержащих большое количество новых данных о значительном распространении в Великой Польше второй половины XVIII в. чиншевых отношений, охватывавших как целые деревни, так и отдельные крестьянские дворы, позволяет более широко поставить исследование этого вопроса. В описях содержатся обширные данные о положении и повинностях чиншевиков и колонистов⁵⁷.

В инвентарях второй половины XVIII в. можно найти значительное количество сведений о жителях деревни, проживавших на условиях договорных отношений с феодалами (контрактов). Ими были почти исключительно овчары, корчмари, мельники и некоторые зажиточные сельские ремесленники⁵⁸.

Однако источник свидетельствует, что абсолютное большинство крестьян Великой Польши во второй половине XVIII в. составляли еще крестьяне-барщинники.

Все четыре книги снабжены географическими указателями и картами Калишского, Познанского и Гнезненского воеводств и Калишского повята. На карты нанесены реки, нынешние уездные города, а также все населенные пункты, упоминающиеся в инвентарях.

К недостаткам публикации следует отнести отсутствие переводов единиц измерения на современные меры.

Документы, содержащиеся в рецензируемых томах, до сих пор не публиковались и не использовались исследователями. Выход в свет четырех томов инвентарей позволит историкам в значительной степени восполнить пробел в изучении аграрной истории Западной Польши, глубже осветить многие вопросы развития крестьянского хозяйства и положения различных категорий сельского населения.

Предпринятые польскими историками поиски архивных инвентарных материалов и их публикация — нужное и полезное для науки дело.

⁵⁷ Например, голендры деревни Дзевча Струг имели 8 волок земли. С каждой волоки они должны были платить в год по 69 злотых денежного чинша, обрабатывать по 10 дней барщины в год и приносить феодалу по 2 гуся и 4 курицы («Materiały do dziejów chłopstwa Wielkopolskiego». Т. I, str. 176). Все олендры деревни Шамоты, за исключением одного, платили пану по 40 тынфов денег, обрабатывали по 4 дня пешей барщины в год каждый, приносили кур и возили по указанию панской администрации строительный лес. Подушная подать, уплачиваемая каждым из них, составляла 5 тынфов в год (там же, стр. 80). В деревне Зберск проживало 14 голендров, плативших вместе 540 злотых денежного чинша, 36 злотых поголовной подати и вносивших 18 кур и 18 вертелей овса (там же, т. III, стр. 54). В деревне Вылатково проживали чиншевики и олендры. Они уплачивали в год от 10 до 45 злотых денежного чинша каждый и обрабатывали от 3 до 12 дней упряжной или пешей барщины в год (там же, т. II, стр. 110—111).

⁵⁸ Так, в деревне Осек на договорных условиях жил мельник, плативший с мельницы 500 злотых денежного чинша («Materiały do dziejów chłopstwa Wielkopolskiego». Т. III, str. 67). В деревне Богуславице также жил мельник на условиях контракта, плативший в год 130 злотых денежного чинша и работавший в жатву 20 дней на барщине (там же, стр. 90). В деревне Бродово было четыре жителя, находившихся с феодалом в договорных отношениях, и в числе их один корчмарь и один колесник. Они платили от 50 до 100 злотых денежного чинша в год каждый, вносили натуральные чинши и несли небольшие повинности (там же, стр. 281).